

Ласточкина Анна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
anna.lastochkina@gmail.com

Коробова Диана Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
dianak2002@mail.ru

О СЕМАНТИКЕ НЕНАДЕЖНОЙ НАРРАЦИИ

Статья содержит описание некоторых ключевых вопросов, связанных с категорией ненадежности наррации в художественном тексте. Ненадежная наррация рассматривается как совокупность авторских маркеров, создающих несоответствие между авторским и нарраториальными уровнями и участвующих в конструировании читательского пути. Описываются возможности классификации разновидностей ненадежной наррации, основанной как на функциях нарратора, так и на смыслообразующих функциях самой ненадежной наррации. Рассматривается использование ненадежной наррации в «открытых» произведениях, таких как рассказы Р. Акутагавы, и «закрытых» произведениях, таких как романы Дж. Остин. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: нарратология, ненадежная наррация, «открытое» произведение, интрадигетический нарратор, экстрадигетический нарратор.

Lastochkina Anna S.

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
anna.lastochkina@gmail.com

Korobova Diana M.

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
dianak2002@mail.ru

ON THE SEMANTICS OF UNRELIABLE NARRATION

The article discusses unreliability in fiction. Unreliable narration is described as a complex of authorial markers that create discrepancy between the authorial and narratorial levels and are used to lead a reader through the text. The article provides classifications of the unreliability types based either on the functions of narrator or on the semantic functions of unreliability. The article shows how unreliability can be used to create both “open” texts with intradiegetic narration, such as short stories by R. Akutagawa, and “closed” texts with extradiegetic narration, such as novels by J. Austen. Refs 10.

Keywords: narratology, unreliability, unreliable narrator, intradiegetic narrator, extradiegetic narrator.

Как и всем литературоведческим понятиям, входящим в активный исследовательский инструментарий, понятию ненадежности наррации давались многочисленные и разнообразные определения. В нашей статье приводится краткий обзор актуальных исследований ненадежной наррации в художественной литературе, а также предпринимается попытка описания некоторых эффективных, на наш

взгляд, исследовательских стратегий использования понятия ненадежной наррации.

В качестве отправной точки можно взять определение ненадежности, данное Д. Шен: «Ненадежность — это признак повествовательного текста. Если нарратор неверно передает, истолковывает или оценивает излагаемые факты, а также если он/она недоговаривает, недостаточно истолковывает или недостаточно оценивает, то нарратор ненадежный»¹ [Shen, paragraph 2]. Следует признать, что данное определение не дает ясного понимания ненадежности. Во-первых, перечисляются шесть принципиально различных ситуаций, связанных с тремя разными функциями нарратора: передачей событий, их трактовкой и этической оценкой. Во-вторых, определение подразумевает значительную долю субъективности в оценке нарратива, вызывая вопрос, кто именно и по каким критериям полагает, что нарратор, к примеру, недоговаривает (*underreports*). Фиктивный мир художественного произведения, будучи моделью мира реального, принципиально безграничен, следовательно, подразумевается, что каким бы подробным ни был рассказ, он никогда не станет всеобъемлющим. В таком случае остается неясным, каким образом исследователь определяет, что отсутствие некоторой информации достаточно значимо, чтобы свидетельствовать о ненадежности нарратора. Аналогичные вопросы возникают и в связи с другими упомянутыми вариантами ненадежности. Например, говоря, что нарратор неверно оценивает какие-либо факты (*misevaluates*), мы не только подразумеваем наличие, по крайней мере гипотетическое, иной этической оценки, но и считаем ее более верной.

За ответами на возникающие вопросы обратимся к монографии У. Бута «Риторика вымысла» 1961 г. [Booth], благодаря которой понятие ненадежной наррации вошло в литературоведческий словарь. Ненадежная наррация рассматривается в исследовании как один из авторских риторических приемов. Имплицированный автор заключает секретный договор с читателем за спиной у нарратора, создавая тем самым недоступные нарратору смыслы [Booth, p. 300–310]. Поскольку для У. Бута целью риторики художественного произведения является в первую очередь передача от автора читателю этического посыла, именно этический компонент ненадежности оказывается в центре его внимания. Следовательно, для У. Бута, если нарратор не разделяет этические нормы автора, он оказывается ненадежным [Booth, p. 158]. И Д. Шен, и другие современные исследователи также указывают на связь ненадежности с авторской инстанцией, однако, как видно из приведенного выше определения ненадежности, в современной нарратологии этот аспект может незаслуженно отходить на второй план. Если рассматривать ненадежность наррации именно как набор маркеров, фокусирующих читательское внимание на недоступном нарратору смысловом уровне имплицитного автора, многие вопросы проясняются. Мы понимаем, что нарратор недоговаривает, не потому, что он не дает нам всей информации о фиктивном мире и происходящих в нем событиях, и даже не потому, что он намеренно утаивает факты, а потому, что автор дает читателю увидеть информационную лакуну, демонстрируя при помощи индициальных (то есть указывающих на отправителя — имплицитного автора) знаков значимость отсутствия некоей информации. Мы можем сказать, что нарратор неправильно интер-

¹ «Unreliability is a feature of narratorial discourse. If a narrator misreports, -interprets or -evaluates, or if she/he underreports, -interprets or -evaluates, this narrator is unreliable».

претирает (misreports), потому что благодаря другим нарраторам или собственным логическим выводам читатель видит иное объяснение событий и, более того, имеет основания отдать ему предпочтение². Кроме того, понятнее становится общность между описанными Д. Шен ситуациями, связанными с разными функциями нарратора (изложение, интерпретация и оценка), поскольку видимая недостаточность или неточность информации возможна вне зависимости от того, идет ли речь об изложении, трактовке или оценке событий.

В литературе Нового времени нарраториальный и авторский уровни всегда разделены, однако описание ненадежности как результата столкновения этих двух смысловых уровней не приводит к тому, что понятие ненадежности наррации становится бессмысленным или избыточным. Речь идет о случаях, когда читатель воспринимает не только дистанцию между авторским и нарраториальным уровнями, но и явное несоответствие, напряжение между ними. Подобное напряжение могут создавать самые разнообразные авторские приемы (маркеры), в частности вкрапления прямой речи персонажей, появление другого нарратора, неречевые реакции персонажей или недоступные нарратору смысловые пласты его собственной речи. Диапазон художественных задач, решаемых авторами через ненадежную наррацию, также широк, поэтому, на наш взгляд, важно определять ненадежность не через конкретные варианты ее реализации, а в общем смысле как несоответствие, напряжение между авторским и нарраториальным уровнями.

Характерной особенностью ненадежности является то, что этот признак нарратива не обязательно стабилен на протяжении всего текста, напротив, читатель может видеть изменения ее уровня. Можно предположить, что нарратор воспринимается ненадежным в случае, если интенсивность (количество и/или качество) маркеров, указывающих на имплицитного автора, достигает некой критической точки. Неслучайно, что именно осознание читателем ненадежности во многих случаях оказывается в центре внимания исследователей. По словам Г. Ольсон, «читатель читает буквально до тех пор, пока текстуальные маркеры и указатели не заставляют его пересмотреть свои интерпретации»³ [Olson, p. 95]. Таким образом, ненадежность можно описать как некий изменяющийся показатель, который читатель отслеживает в процессе чтения. Следовательно, понятие ненадежности может оказаться продуктивным при исследовании читательского пути, поэтапного процесса раскрытия читателем заложенных в тексте смыслов.

Исследователями были предприняты попытки классификации ненадежной наррации. Однако, несмотря на характерный для литературоведения вопрос о функции приема, почти все имеющиеся классификации основываются на иных критериях. Например, противопоставление «ошибающейся» (fallible) и «не заслуживающей доверия» (untrustworthy) ненадежной наррации, предложенное Г. Ольсон в 2003 г. [Olson], основано на отсутствии или наличии у нарратора интенции исказить передаваемую информацию. При всей бесспорности того, что такую границу можно и нужно проводить, следует признать, что она в большей степени важна для характеристики личных качеств нарратора, то есть нарратора как пер-

² Это важно особо отметить, потому что в некоторых случаях [Nünning] ненадежность описывают просто как несоответствие между информацией, исходящей непосредственно от нарратора, и другой информацией, содержащейся в тексте.

³ «One reads literally until textual markers and indications force one to revise one's interpretations».

сонажа, при этом мало помогая ответить на вопрос, какова функция ненадежной наррации в конкретном тексте.

Единственная известная нам попытка классифицировать ненадежную наррацию с точки зрения ее функций предпринята в 2007 г. Дж.Феланом [Phelan], который предлагает понятия «отдаляющей» (estranging) и «связывающей» (bonding) ненадежности. Первая призвана увеличить дистанцию между читателем и нарратором, вторая — парадоксальным образом сократить ее. Если определение «отдаляющей» ненадежности понятно, вызывая лишь вопрос о том, не любая ли ненадежность подходит под это определение, то понятие «связывающей» ненадежности менее ясно. Дж.Фелан описывает ситуацию, в которой «расхождения между описаниями, интерпретациями и оценками нарратора, с одной стороны, и заключениями авторской аудитории — с другой, имеют парадоксальный результат — сокращение интерпретационной, эмоциональной или этической дистанции между нарратором и авторским адресатом. Иными словами, хотя авторский адресат видит ненадежность нарратора, эта ненадежность включает некоторую информацию, которую имплицитный автор — и, следовательно, авторский адресат — подтверждает»⁴ [Phelan, p. 225]. При чтении данного определения возникает закономерный вопрос: всегда ли ненадежная наррация в художественной литературе реализует заложенные автором смыслы. Концепция Дж.Фелана становится более ясной, когда исследователь переходит к анализу конкретных произведений. Примером связывающей ненадежности, в частности, выступает «Гекльберри Финн» М.Твена: ограниченные способности нарратора в трактовке описываемых событий, с одной стороны, дают читателю наивный («остраненный», если воспользоваться понятием В.Шкловского) взгляд на мир, позволяя прочесть заложенный автором моральный посыл, и, с другой стороны, создают у читателя симпатию к Геку как персонажу [Phelan, p. 227].

Как видно из приведенного примера, недостатком классификации Дж.Фелана можно считать то, что в ней отсутствует разграничение между отношением читателя к интрадиггетическому нарратору непосредственно как к нарратору (доверием к его изложению и интерпретации фактов) и как к персонажу. Случаи, в которых ненадежный нарратор должен вызвать симпатию читателя, Дж.Фелан описывает как связывающую ненадежность. В центре внимания Дж.Фелана оказывается уже ставший традиционным для рассуждений о ненадежной наррации текст — «Лолита» В.Набокова. Эта традиция была начата У.Бутом, который рассуждает о трудностях, подстерегающих читателя на пути чтения и адекватного понимания этого романа. Продолжая эти размышления, Дж.Фелан отмечает, что в первой части романа ненадежность следует определить как отдаляющую (estranging), потому что этические нормы и поведение Гумберта диссонируют с читательскими и авторскими этическими нормами. Однако во второй части произведения Гумберт делает шаг навстречу авторским нормам, и хотя персонаж все же остается не совсем надежным, этот шаг должен вызвать положительную реакцию читателя. В данном примере речь идет об эволюции этических норм, которая меняет отношение читателя к Гумберту как к персонажу, но читатель не подозревает его в неспособности

⁴ «Of the authorial audience have the paradoxical result of reducing the interpretive, affective, or ethical distance between the narrator and the authorial audience. In other words, although the authorial audience recognizes the narrator's unreliability, that unreliability includes some communication that the implied author — and thus the authorial audience — endorses».

или нежелании достоверно описывать и трактовать события. Данные наблюдения подводят нас к возможной попытке использования для описания ненадежности категорий, близких к понятиям из книги Б. Успенского «Поэтика композиции» 1970 г. [Успенский, с. 18], где классифицируются разновидности точки зрения. Можно предположить, в частности, наличие ненадежности в плане идеологии, которая, в отличие от ненадежности в передаче и трактовке событий, служит почти исключительно инструментом разобщения имплицитного читателя и нарратора. Исключения возможны, но относительно редки. Одно из них приводит Дж. Фелан, вновь обращаясь к «Гекльберри Финну»: оставаясь верным своей дружбе с рабом Джимом и отказываясь содействовать в его поимке, Гек оценивает свои действия как этически неверные и полагает, что попадет за них в ад, в то время как у читателя эти действия должны вызывать одобрение.

Вопрос о функциях ненадежной наррации остается слабоизученным и заслуживает отдельного исследования. Этот литературный прием обладает большой гибкостью и позволяет автору достигать с его помощью различных эффектов, следовательно, функции ненадежной наррации во многом обусловлены художественными особенностями конкретного текста. Далее в статье мы постараемся на нескольких примерах продемонстрировать, как понятие ненадежности может быть использовано для нарратологического анализа с элементами рецептивного анализа, т. е. описания читательского пути.

Одной из возможных функций ненадежности можно назвать «открытие» произведения, то есть расширение интерпретационного поля и усиление читательской роли. Согласно высказанному в 1979 г. мнению У. Эко, «открытое» произведение — «теоретическое, умственное сотрудничество потребителя с производителем: потребитель должен свободно интерпретировать некую художественную данность, продукт, который уже организован как некое структурное целое (даже если эта структура допускает бесконечное множество интерпретаций)» [Эко, с. 99]. Такой эффект возможен, потому что ненадежность разрушает буквальное восприятие нарратива, а читатель проходит процесс отмежевания от информации, интерпретации, оценки и от их источника — нарратора. Однако если помнить о роли авторских маркеров, то картина видится немного иной: ненадежность — инструмент, создающий у читателя лишь иллюзию активного участия в процессе создания смысла. Чем более явны в тексте авторские индициальные знаки, тем более направленным и структурированным оказывается проложенный автором путь имплицитного читателя, поэтому ненадежность наррации берет на себя функцию конструирования читательского пути и фокусировки читательского внимания. Следовательно, ненадежность оказывается инструментом, способным создать у читателя лишь иллюзию активного участия в процессе создания смысла.

В качестве примера «открытых» произведений с ненадежной наррацией можно привести рассказы японского писателя Р. Акутагавы. Одним из центральных повествовательных приемов писателя является фактологическая, интерпретационная и оценочная ненадежность, которая реализуется в широком диапазоне вариантов: нарратор рассказывает собеседнику услышанную историю, предполагающую несколько различных трактовок («Мадонна в черном»); нарратор вспоминает произошедшие с ним некоторое время назад события и переоценивает их, противопоставляя себя прошлого себе настоящему («Сомнение», «О себе в те годы»); сталки-

ваются точки зрения нескольких нарраторов («Холод»); нарратор находится в нестабильном психическом состоянии («Зубчатые колеса»); правдоподобная версия события опровергается другой, не менее правдоподобной («В чаще»). В некоторых случаях ненадежность проявляется в этическом плане, например, когда нарратор демонстрирует сомнительные представления об основополагающих концептах, таких как справедливость, соблюдение уставных конвенций, власть, сострадание, самообладание («Верность», «Муки ада», «Три окна», «Носовой платок»).

Противоречивость внутреннего мира героев Акутагавы, тесно связанная с категорией ненадежности, имеет прямое отношение к механизму читательской эмпатии. У читателя могут возникать одновременно положительные и отрицательные эмоции по отношению к одному и тому же персонажу. Жестокость, надменность, высокомерие художника Ёсихидэ («Муки ада») и разбойника Тадзёмару («В чаще»), ненадежных нарраторов в плане оценки, вызывают у читателя отвращение, однако их преданность собственным принципам, смелость и честность находят отклик в читающем, поэтому одновременно появляется и уважение к персонажам. Чувство справедливости правителя Хорикавы («Муки ада») резонирует с этическими нормами имплицитного читателя, однако мстительность и равнодушие первого диссонируют с эмоциональным полем последнего, поэтому ненадежность воспринимается как отстраняющая (неоднозначность этических установок персонажа делает его ненадежным нарратором в плане этической оценки). Тонкие переходы от сближающей ненадежности к отстраняющей способствуют созданию фиктивного мира, который можно назвать сложным, поскольку читателю дается иллюзия интерпретационной свободы. В результате составление конструкта «имплицитный автор» требует от читателя значительно больших усилий по сравнению со случаями, когда носителем речи является всеведущий недиегетический нарратор.

В рассказе Акутагавы «В чаще» [Акутагава, с. 402–410] эффект ненадежности создается благодаря сосуществованию нескольких нарраторов, каждый из которых создает свой нарратив на основе одних и тех же событий. Убит самурай Канадзава, и судейский чиновник собирает показания свидетелей. Рассказ строится как череда из семи монологов людей, которые являются либо прямыми участниками трагедии, либо знают или видели убитого накануне смерти. В начале рассказа в четырех микроглавах представлены развернутые ответы допрашиваемых на вопросы судейского чиновника, при этом сам чиновник остается за рамками повествования, а его вопросы озвучены персонажами, которые повторяют их, как эхо. Читатель оказывается в позиции, близкой к позиции чиновника, который, очевидно, пытается распутать клубок событий, сопоставив показания. Таким образом, создается иллюзия вхождения читателя в диегезис. Далее следуют монолог-признание разбойника Тадзёмару, исповедь в храме жены убитого и слова духа самурая, переданные через прорицательницу. Из всех нарраторов только стражника можно считать надежным с точки зрения его способности передавать события, поскольку в повествовании нет индициальных знаков, указывающих на то, что он может скрывать что-либо или давать ложные сведения, однако его показания скудны и не позволяют восстановить всю картину происшествия. По мере чтения рассказа читатель видит все больше противоречий в показаниях свидетелей и оказывается дезориентированным, потому что в тексте нет подсказок, помогающих отдать предпочтение одной из трактовок. Текст выстроен таким образом, что, делая выбор в пользу той или иной трак-

товки, читатель вынужден задумываться не только о фактах, но и о моральных категориях, в частности о понятии чести. Это понятие, которое можно трактовать и как внутреннее нравственное достоинство человека, и как мнимое житейское благородство, реализуется в трех вариантах: утверждение собственного достоинства за счет унижения другого (разбойник), чистота и незапятнанность (Масаго), сохранение чувства собственного достоинства (дух самурая). Каждый из перечисленных вариантов изображен с точки зрения национальной традиции. Аналогичным образом и понятие истины не сводится к одному знаменателю. Невозможно определить, что произошло с самураем, поскольку в каждой версии есть и своя правда, и ложь. Не только рассогласование разных интерпретаций слишком велико, но и в пределах одной версии даются противоречивые сведения, поэтому поиски истины оказываются бессмысленными. Таким образом, ненадежная наррация позволяет создать ситуацию фактологической и интерпретационной неопределенности.

В других случаях ненадежность наррации используется как эффективный прием, помогающий воплотить в произведении достаточно явный идейный посыл. В качестве примера можно привести романы Дж. Остин, в которых нередко изначально привлекательные, яркие персонажи оказываются недостойными, а излишне замкнутые и даже отталкивающие — настоящими героями. Чтобы сделать читателя более вовлеченным в повествование и помочь ему глубже понять, как легко можно обмануться в человеке, автор заставляет его ошибочно верить отрицательным персонажам и сомневаться в искренности и добрых намерениях положительных.

Если основным носителем речи является недиегетический нарратор, то ненадежность может проявляться в речи персонажей, в некоторых случаях берущих на себя нарраториальную функцию. Так, в романе «Гордость и предубеждение» Джордж Уикхем рассказывает Элизабет Беннет о своих злоключениях, виновником которых якобы является Фицуильям Дарси. Сперва Уикхем вызывает у читателя доверие и сочувствие, потому что он якобы вынужден скрывать нелицеприятную «правду» о Дарси. Читатель на данном этапе воспринимает эту информацию некритически, не видит фактологической и этической ненадежности, поэтому этическая читательская позиция сближается с позицией нарратора-персонажа, то есть до эпизода с письмом мистера Дарси читатель полагает, что Уикхем — надежный нарратор. Восприятие нарратора и его повествования резко меняется в тот момент, когда выясняются истинные факты, и обнаружение фактологической ненадежности приводит также к выявлению ненадежности нарратора в плане оценки.

Итак, наррация ненадежна, когда нарраториальный и авторский уровень не только явно различимы, но и диссонируют друг с другом. Ненадежность, таким образом, формулируется через базовые нарратологические категории повествовательных инстанций, в результате чего создается максимально общая концепция ненадежности, способная включить все возможные вариации приема и объединить разноплановые явления в общую картину. Кроме того, поскольку данный подход разводит ненадежность как таковую и варианты ее реализации, появляется предпосылка для создания обзора разновидностей ненадежности и диахронического описания этой категории.

Диахронический подход предполагает описание эволюции приема и, следовательно, нуждается в классификации различных видов ненадежной наррации. Такая классификация может быть создана не только на основе функций приема или

конкретных признаков нарраторов, но и на основе индикаторов (или маркеров) ненадежности. Маркеры, то есть конкретные способы создания ненадежности, могут быть разнообразными, что в конечном счете позволяет ненадежной наррации оставаться популярным приемом и избежать эффекта «усталости приема» [Тимофеев]. Существуют многочисленные исследования, дающие классификации типов маркеров ненадежности на примерах конкретных произведений. В отечественном литературоведении следует упомянуть монографию А. В. Ждановой, посвященную, в частности, проявлениям ненадежности в романе «Лолита» на различных уровнях (т. е., если пользоваться терминами данной статьи, разным типам маркеров ненадежности). Следующим шагом, на наш взгляд, могло бы стать создание общей классификации маркеров ненадежности.

Кроме того, появляется удобный инструментарий для литературоведческого анализа, сочетающего нарратологический подход с акцентом на категории читателя. В самом широком смысле функция ненадежной наррации — создание у читателя ощущения вовлеченности в процесс создания смысла. В некоторых случаях этот эффект сопрягается с широкими интерпретационными возможностями (признак «открытого» произведения), а в других — с четко обозначенным читательским путем (признак «закрытого» произведения). Иногда ненадежность наррации расширяет интерпретационное поле, иногда — приводит читателя к достаточно простым выводам, но в любом случае является инструментом усиления читательской роли и усложнения читательского пути. Классификация ненадежности может быть основана как на нарраториальных функциях (передача событий, их трактовка и оценка), так и на функциях самой ненадежности (например, открытие произведения). Понятия «открытого» и «закрытого» произведения могут быть продуктивными при описании разновидностей ненадежности и ее возможностей.

Литература

- Акутагава 1971 — Акутагава Р. *Избранное в двух томах*. Т. 1. В. Гривнин, И. Львова, В. Маркова, Б. Раскин, Н. Фельдман (пер.). М.: Худож. лит., 1971. 469 с.
- Жданова 2008 — Жданова А. В. *Нарративный лабиринт «Лолиты»: (структура повествования в условиях ненадеж. нарратора)*. Дис. ... канд. филол. наук. Самарский гос. ун-т. Тольятти, 2008. 165 с.
- Тимофеев В. Г. 2004 — Тимофеев В. Г. Усталость приема — 2... усталость приема — 3. *Вестник Санкт-Петербургского университета; Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 1–2, 2004: 10–18.
- Успенский 2000 — Успенский Б. А. *Поэтика композиции*. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.
- Эко 2007 — Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*. Лахути Д. (ред.). Серебряный С. Д. (пер.). СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.
- Booth 1983 — Booth W. *The Rhetoric of Fiction*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983. 572 p.
- Nünning 1999 — Nünning A. «Reconceptualizing the Theory and Generic Scope of Unreliable Narration». *Reconceptualizing Trends in Narratological Research*. Pier, J. (ed.). Tours: Tours Univ. Press, 1999. P. 63–84.
- Olson 2003 — Olson G. Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators. *Narrative*. 11 (1), 2003: 93–109.
- Phelan 2007 — Phelan J. Estranging Unreliability, Bonding Unreliability, and the Ethics of Lolita. *Narrative*. 15 (2), 2007: 222–238.
- Shen 2015 — Shen D. «Unreliability». *The Living Handbook of Narratology*. Hühn P., et al. (ed.). Hamburg: Hamburg Univ. Press, 2015. URL: <http://wikis.sub.uni-hamburg.de/lhn/index.php/Unreliability> (дата обращения: 15.02.2017).

References

- Акутагава 1971 — Akutagava, R. *Izbrannoe v dvukh tomakh* [Selected works in 2 vols]. Vol. 1. Grivnin, V., Lvova, I., Markova, V., Raskin, B., Feldman, N. (transl.). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. 469 p. (In Russian)
- Жданова 2008 — Zhdanova, A. V. *Narrativnyi labirint «Lolity»: (struktura povestvovaniia v usloviakh nena-dezhnogo narratora)* [Narrative labyrinth of «Lolita»: (structure of narration with an unreliable narra-tor)]. PhD Dissertation (Philology), Samara State University. Togliatti, 2008. 165 p. (In Russian)
- Тимофеев В. Г. 2004 — Timofeev, V. G. Uсталost priema — 2... ustalost priema — 3 [Is Shklovsky's au-tomatization doctrine immune to automatization?]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* — *Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian studies. Journalism*. 1–2, 2004, pp. 10–18. (In Russian)
- Успенский 2000 — Uspenskii, B. A. *Poetika kompozitsii* [Poetics of composition]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 348 p. (In Russian)
- Эко 2007 — Eco, U. *Rol chitatelia. Issledovaniia po semiotike teksta* [The role of the reader. Research on semio-tics of text]. Lakhuti, D. (ed.). Serebrianyi, S. D. (transl.). St. Petersburg, Symposium Publ., 2007. 502 p. (In Russian)
- Booth 1983 — Booth, W. *The Rhetoric of Fiction*. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1983. 572 p. (In English)
- Nünning 1999 — Nünning, A. “Reconceptualizing the Theory and Generic Scope of Unreliable Narra-tion”. *Reconceptualizing Trends in Narratological Research*. Pier, J. (ed.). Tours, Tours Univ. Press, 1999, pp. 63–84. (In English)
- Olson 2003 — Olson, G. Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators. *Narrative*. 11 (1), 2003, pp. 93–109. (In English)
- Phelan 2007 — Phelan, J. Estranging Unreliability, Bonding Unreliability, and the Ethics of Lolita. *Narrative*. 15 (2), 2007, pp. 222–238. (In English)
- Shen 2015 — Shen, D. «Unreliability». *The Living Handbook of Narratology*. Hühn, P., et al. (eds.). Hamburg, Hamburg Univ. Press, 2015. Available at: <http://wikis.sub.uni-hamburg.de/lhn/index.php/Unreliabil-ity> (accessed: 15.02.2017). (In English)

For citation: Lastochkina A. S., Korobova D. M. On the Semantics of Unreliable Narration. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 3, pp. 317–325. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.302.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2015 г.
Статья рекомендована в печать 2 сентября 2016 г.